

Фэн Цзюцин прищурился, и в тот же миг Система услышала его тихое угрожающее бормотание:

— Системка, речь — это искусство. Если не умеешь говорить, можешь просто молчать. Не обязательно лезть ко мне на глаза и пытаться самоутвердиться. В конце концов, мне как раз нужна меховая накидка, как думаешь, белый цвет мне к лицу?

Система вздрогнула от неожиданности, отпрыгнула подальше от Фэн Цзюцина и уставилась на него полным обиды и бдительности взглядом.

Подумать только: этот негодяй сорвал злость на собственном ученике, так какого чёрта он цепляется к ней, слабой, ни в чём не повинной и несчастной Системе?

Тьфу, лицемерный подлец! Вместо того чтобы выместить гнев на ученике, пришёл поучать беззащитную Систему.

Мо Лин заметил кольцо на пальце Фэн Цзюцина и наконец успокоился. Слово между прочим, он завёл разговор о вчерашней карте:

— Зачем Цинцин вчера понадобилось отдавать Уне ту вещь?

Фэн Цзюцин поднял голову, взглянул на Мо Лина, а затем снова опустил глаза, изображая смущение:

— Разумеется, чтобы дорогой гость смог прийти к Цинцину ночью и украсть моё сердце.

Ответ оказался одновременно совершенно неожиданным и вполне предсказуемым.

— Вот как? Цинцину лучше не обманывать Уну.

Мо Лин наклонился к Фэн Цзюцину и оставил лёгкий поцелуй на родинке у внешнего уголка его глаза.

Щёки Фэн Цзюцина мгновенно запылали, кажется, от них даже шёл дым. Хоть стыда у него было не занимать, в обеих своих жизнях он оставался девственником.

Хотя в прошлой жизни он и слыл проворным генеральным директором, этот образ был напускным. Никто никогда не смел целовать его по собственной воле — он этого не любил, и никто не осмеливался нарушать его запреты. Он был классическим примером человека, которому дозволено распускать руки, но другим — ни в коем случае.

Очарованный Мо Лином, Фэн Цзюцин не только не почувствовал отвращения, но и ощутил, как в голове всё смешалось в кашу.

Фэн Цзюцин закрыл лицо руками. Как Мо Лин мог поступить так? Никакой скромности! Подобные вещи должен делать он сам, а не кто-то другой.

В глазах Мо Лина отразилось раскрасневшееся лицо Фэн Цзюцина, а уголки губ тронула улыбка: реакция Минцина казалась удивительно наивной.

Раньше, когда Минцин соблазнял его, Мо Лин думал, что тот искушён в любовных делах, но теперь видел, что это была лишь игра на публику, что стало для него приятным сюрпризом. Он тихонько рассмеялся, и этот смех, долетев до ушей Фэн Цзюцина, окончательно лишил того самообладания.

Играя с кисточкой серёжки Фэн Цзюцина, Мо Лин не сводил с его лица глаз:

— Как Цинцин может быть столь чарующим? Сердце Уны преисполнено радости.

— Вы, мужчины, такие непостоянные. Мо Лин ещё мгновение назад приставлял кинжал к твоей пояснице, а теперь говорит, что его сердце преисполнено радости. Я совсем не понимаю этих ваших человеческих чувств, всё меняется слишком быстро. А-Цзю, смотри не попадись на удочку.

Система внезапно выскочила из ниоткуда и хлестнула Мо Лина пушистым хвостом — разумеется, тот ничего не почувствовал.

Фэн Цзюцин пришёл в себя от наваждения: всё это было лишь игрой на публику, с чего бы ему принимать это всерьёз?

Он протянул руку, ухватил Мо Лина за одежду и, задрав голову, посмотрел на стоящего перед ним мужчину:

— Дорогой гость говорит такие сладкие речи, Цинцин ведь может и поверить.

— Цинцин мне не верит?

Мо Лин перехватил руку Фэн Цзюцина и прижал её к своей груди:

— Чувствуешь? Это искренность Уны.

Теперь Фэн Цзюцин и впрямь был удивлен: Мо Лин сыпал любовными признаниями одно за

другим, стоило ему только открыть рот. Не будь у него столь надёжных источников информации, уверявших, что Мо Лин до сих пор не познал женщин, он бы точно решил, что тот заправский сердцеед.

Летняя одежда была тонкой, и Фэн Цзюцин машинально провёл рукой прямо сквозь ткань по крепкой груди мужчины, мысленно отметив: на ощупь неплохо.

— Цинцин всё прочувствовал. Поздний час уже миновал, время приёма гостей для Цинцина подошло к концу. Не хочет ли дорогой гость отправиться домой пораньше? Или желает остаться на ночь в Башне Ситай?

В глазах Фэн Цзюцина плескалось игривое кокетство, а голос звучал чарующе и соблазнительно.

Мо Лин навис над Фэн Цзюцином, загнав его в ловушку своих рук, и его тёмный взгляд стал глубоким:

— Цинцин хочет, чтобы Уна остался сегодня в его покоях на ночь?

— Дорогой гость много о себе возомнил. Цинцин выкупает себя из борделя, но тело своё не продаёт. Если дорогой гость не возражает, в Башне Ситай найдется гостевая комната. А если дорогому гостю одиноко, можно потратить немного серебра и позвать на ложе трёх-четырёх красавиц. Мо Лин схватил Фэн Цзюцина за руку, и в его глазах вспыхнул гнев: — За кого Цинцин меня принимает?

Хватка Мо Лина была крепкой, и Фэн Цзюцин почувствовал боль, отчего его голос тут же смягчился: — Больно, Цинцин был неправ, братец-гость, не сердись.

Мо Лин немного ослабил хватку, но его черные глаза пристально смотрели на Фэн Цзюцина.

— Раз Цинцин осознал свою ошибку, пока запишем её на твой счёт, а в будущем я хорошенько накажу тебя за всё по порядку. Цинцину лучше вести себя скромнее, иначе, когда Цинцин в следующий раз выплачет все глаза, мне хоть и будет жаль, но руки я не пощажу.

Это ведь была угроза, верно? В глубине души Фэн Цзюцину было всё равно, но на лице он изобразил обиду вперемешку с робким испугом и кивнул.

— Цинцин понял, братец-гость, Цинцин будет послушным, ты простишь Цинцина?

Мо Лин разжал руку Фэн Цзюцина и принялся растирать и разминать покрасневшее место.

— Заслуги есть заслуги, а проступки есть проступки. Заслуги должны быть вознаграждены, а

проступки — наказаны. Если заслуги и проступки будут взаимозаменяться, в будущем никто уже не станет испытывать страха и трепета перед правилами, совершая ошибки. Цинцин понимает?

У Фэн Цзюцина слегка побаливало лицо — возникло такое чувство, будто он сам высек себя, словно камень, брошенный им же себе на ногу. Когда-то он учил Мо Лина этому, чтобы тот применял подобные методы в государственных делах, а тот взял да применил его же урок против него самого, да так, что теперь было непонятно — плакать тут или радоваться.

Причина, по которой Мо Лин до сих пор оставался одиноким, нашлась сама собой: он управлял гаремом теми же методами, какими управляют при дворе. И впрямь достойный ученик своего учителя, неудивительно, что у него до сих пор нет жены.

— Братец-гость, это ведь всего лишь мелочь, к чему такая излишняя строгость? — попытался исправить положение Фэн Цзюцин.

— Не бывает мелочей, есть лишь правильное и неправильное. Разве Цинцин не знает, что тысячеливная дамба рушится из-за муравьиной норы?

Видя, что Мо Лин собирается продолжить, Фэн Цзюцин тут же остановил его: — Братец-гость, Цинцин понял, в чем был неправ, больше так не будет.

Почему он раньше не замечал, что Мо Лин так любит поучать? Когда он сам был Великим наставником, разве он столько говорил? Да и Мо Лин тогда был куда немногословнее него, но прошел всего год — и откуда такие перемены?

Мо Лин ущипнул Фэн Цзюцина за щеку: — Цинцин, помни то, что только что пообещал. Я пока пойду, ложись спать пораньше.

Системка, неужели у меня на щеках такое мягкое мясо? Почему мне кажется, что Янь-эр так любит щипать меня за лицо? — Фэн Цзюцин легонько ткнул Систему пальцем.

Система скосила на него взгляд: — Не знаю, возможно. Хотя детская пухлость на щеках у тебя и вправду есть.

Фэн Цзюцин поднялся, проводил Мо Лина до выхода, запер дверь и, потрогав свои щеки, подумал, что никакой особой мягкости в них нет. Быть может, Мо Лин просто обожает над ним издеваться? Точно так же, как он сам в бытность Великим наставником непременно выискивал у Мо Лина малейшую оплошность, чтобы наказать его. Надо же, хорошему не научился, а дурному — запросто.

Система запрыгнула на плечо Фэн Цзюцина, склонила голову набок и спросила: — А-Цзю действительно намерен остаться с Мо Лином? А-Цзю, тебе стоит хорошенько всё обдумать: с

твоим положением кого ты не можешь заполучить, почему тебя потянуло связаться именно с тем, кто восседает на драконьем троне?

Поглаживая мягкую шерстку Системы, Фэн Цзюцин блаженно прищурился: — Системка, я и сам не хотел, да только кто же виноват, что Янь-эр оказался ровно в моем вкусе.

Напробовавшись деликатесов вроде птичьих языков и драконьего костного мозга, разве сможешь потом проглотить что-то еще? К тому же, я всего лишь хочу закрутить с Янь-эром мимолетный роман на одну ночь, да и он ко мне вряд ли испытывает глубокие чувства — скорее всего, просто позарился на мою внешность. Мы стоим друг друга, и никто никого не обидит.

Система выразила сомнение: — Вот как? Раз это мимолетный роман, стоило при первой же возможности лечь с ним в постель. К чему тогда все эти игры в недоступность, провокации и дразнки?

— Системка, в этом твоя слепая зона: если мужчина получает что-то слишком легко, он непременно перестает это ценить. К тому же Янь-эр — мой первый мужчина, так или иначе, я должен оставить в его памяти яркий, неизгладимый след, чтобы он помнил об этом всю жизнь. Хочешь чего-то добиться — будь готов заплатить цену, в конце концов, это честный эквивалентный обмен.

<http://bllate.org/book/21502/2203458>